

Отзыв

**доктора филологических наук профессора Г. В. Якушевой
о диссертации А. А. Белого «Философско-эстетические
основы пушкинского “истинного романтизма”»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности: 10.01.01 – Русская литература.
10.01.08 – Теория литературы. Текстология.**

Диссертационное исследование Александра Андреевича Белого стремится к решению сразу нескольких актуальных и пока еще не в полной мере (или явно недостаточно) изученных проблем. Во-первых, они касаются расширения и углубления наших знаний о Пушкине, об эволюции его художественного метода в поздний период деятельности, что сам автор диссертации определяет как «вопрос о роли и судьбах *романтизма* (курсив мой. – Г. Я.) в творчестве Пушкина второй половины 1820-1830-х годов». В связи с этим в новых ракурсах рассмотрена нравственно-философская проблематика и способы ее реализации в трагедии «Борис Годунов», «Повестях Белкина», «Маленьких трагедиях», а также привлечены к диссертационному анализу в обозначенном аспекте «Евгений Онегин», «Дубровский», «Пиковая дама», «Медный всадник» и другие произведения поэта.

Во-вторых, исследуемые автором диссертации проблемы способствуют обогащению наших знаний об опоре Пушкина (до сих пор, кстати, в некоторых энциклопедиях Запада квалифицируемого как «самого европейского из всех русских поэтов»), этой квинтэссенции русской художественной мысли, как в ее завоеваниях, так и в потенциях, не только на национальный, но и общеевропейский философско-эстетический фундамент. Последнее в свою очередь позволяет сформировать более объективное

представление о вкладе русской литературы в мировое культурное пространство и оценить ее не только как талантливую ученицу европейских мэтров, но и как создательницу новых типов и вариантов литературно-художественного развития, русских модификаций того или иного направления, течения или стиля (как, например, это со всей очевидностью происходило в начале XX-го века с русским футуризмом).

Остроту постановке проблемы придает тот факт, что пушкинский «истинный романтизм» обосновывается диссертантом не как исключительное явление, но именно как итог оригинального, специфически русского вектора художественного поиска 1-й трети XIX века, доселе не имевший понятийного определения в отечественном (да и мировом) литературоведении и обозначенный соискателем как «романтический классицизм».

Доказательству правомочности этого оксюморонного для литературоведческого уха термина (известен принцип четкой упорядоченности, нормативности и иерархичности классицизма, резко противостоящий принципиальной неформленности, текучести, взаимопереходности и тяги к неопределимой «бесконечности» как импульсов романтического сознания, ориентирующегося не на то, что «должно быть» – эту главную назидательную максиму классицизма, а на то, что выстраивает личность своим воображением, всем универсумом духовного мира собственного «Я» в априорно-неразрешимом конфликте с «Не-Я», отторгая и заменяя его) посвящена, по сути, вся диссертация Александра Андреевича.

Представленная работа отличается основательностью, в ней активно задействовано огромное количество работ философов, культурологов, литературоведов, даже естествоиспытателей – в первую очередь отечественных, а также зарубежных, как позапрошлого, так и недавних веков (жаль, что в их ряду мы не увидели современных западноевропейских славистов – в том числе всемирно известных Э. Симмонса – Simmons E. J.

Pushkin. N.Y., 1964; А. Трүайа –Troyat H. Pouchkine: Biographie. P., 1965; Дж. Бейли – Beyley J. Pushkin: A comparative commentary. L., 1971). При этом диссертант не только структурирует и сопоставляет разноречивые концепции (заметим, однако, что вряд ли правомочно здесь категоричное противопоставление принципа «понимания» художественного произведения, выдвинутого А.А. Потебней, «пассивному», по словам диссертанта, «психологическому «вживанию» В. Дильтея» (стр. 27 Диссертации): последний в качестве основоположника понимающей психологии в отличие от завершившего ее формирование Эд. Шпрангера испытал влияние не только романтизма, но и рационалистов-позитивистов Дж. Милля и О. Конта), но и вступает в непосредственную полемику с теми из них, которые не подтверждают предлагаемую соискателем интерпретацию художественного метода Пушкина обозначенного периода.

В этой связи Александр Андреевич справедливо ставит вопрос о «специфике пушкинского понимания романтизма», о той теоретической работе, которую наш поэт должен был проделать в этом отношении «самостоятельно». Действительно, выделяемая Пушкиным (в отношении характера Самозванца) «романтическая страстность», на которую ссылается в своей аргументации диссертант, отнюдь не тождественна романтическому сознанию в том фихтеанско-шеллингианском толковании, о котором говорилось выше и которое было сформулировано в самый ранний, «йенский» период его основоположниками и первыми теоретиками. Однако она акцентирует и гиперболизирует одну из составляющих этого сознания как проявление силы и остроты личностной реакции на несовершенство мира, что и породило в современном культурном обиходе понятие «романтического» как высшего по отношению к реальности и в этом смысле противопоставленного ей.

Безусловная новизна диссертации, заключающаяся в рассмотрении творчества Пушкина на широком фоне эстетико-философских процессов в

европейской культуре XVIII-XIX вв., подкрепляется в диссертации специальным разделом, посвященным переключкам ряда ключевых этико-философских позиций Пушкина с положениями кантовской философии, имевшей, согласно предложенному исследованию, особое значение для зрелого периода деятельности поэта. Здесь, однако, требовал бы более четкого раскрытия вопрос о сопряжении кантовского, то есть просветительского, понятия «возвышенного» с романтизмом, антипросветительским и по определению, и по истории возникновения, и по художественной практике (достаточно вспомнить недвусмысленный в этом отношении роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», а также некоторые повести-сказки Э.Т.А. Гофмана).

Равно требовались бы, на наш взгляд, в русле концепции автора работы комментарии к рассуждениям о связи И. Канта с классицизмом – с учетом того, что Просвещение с его культом «естественного» человека и обусловленными этим приоритетностью жанров дневника, письма, исповеди, соответствующим простым и ясным разговорно-исповедальным стилем решительно противостояло иерархической регламентированности последнего (как отражения в эстетической системе строгой сословной вертикали монархического тоталитаризма). «Мостом» здесь могло бы послужить введение в диссертацию хорошо известного и давно разработанного понятия просветительского классицизма, берущего от классицизма XVII-го в. идею превосходства «общественного» над «личным», а «простоту и ясность» языка (которую Пушкин, судя по статье «О народной драме и драме «Марфа-Посадница»»), как раз не обнаруживает в «ортодоксальном» классицизме не только русского – А.П. Сумароков и др., но и французского – Ж. Расин, образца), то здесь в отношении Пушкина скорее речь может идти о демократической «десакрализации» классицистской эстетики, чем о следовании ей.

Богатое свежими наблюдениями и нетрадиционными выводами исследование Александра Андреевича Белого закономерно провоцирует вопросы – в первую очередь, естественно, относительно адекватности вводимого им в литературоведческий обиход термина «романтический классицизм», в котором не все кажется бесспорным и относительно классицизма (те же простота, ясность, стройность, системность и т.п. мы можем найти уже в античности, тем более – в эпоху Возрождения и Просвещения), и относительно его, классицизма, «романтизации» (признание категориальными признаками таковой элементов мистики, фантастики, психологической или социальной исключительности и экзальтации сделали ли бы слишком многих писателей прошлого и настоящего романтиками – от Гомера с его «Одиссеей» и Дж. Свифта с «Путешествиями Гулливера» до Ф. Кафки с «Превращением» и Г. Гарсия-Маркеса с его «Ста годами одиночества»). В то же время текст упомянутой программной статьи Пушкина своими призывами к созданию общезначимой, «народной» и по содержанию, и по способам художественного воплощения (пусть и грубоватой, «как у Шекспира») драмы, требованием «истины страстей, правдоподобия чувствований в предполагаемых обстоятельствах» (явно отделяемых Пушкиным от «вялого и холодного» правдоподобия «трех единств» классицизма) упорно возвращает нас к традиционному представлению о *реалистическом* векторе творческой эволюции Пушкина (что не исключает, разумеется, романтических и классицистических мотивов и аллюзий в его произведениях). При этом более чем убедительной выглядит опора диссертанта на разработанное уже отечественным литературоведением положение о «своеобразии русского романтизма, проявившемся в сохранении им типологических черт классицизма» (стр. 277 Диссертации).

Таким образом, замечания наши отнюдь не категоричны и не безусловны, и в дискуссионности, «открытости» новаторских выводов диссертанта мы видим как раз силу его исследования, глубина,

масштабность, оригинальность которого (в плане не только нового прочтения Пушкина и судеб русской литературы первой трети XIX-го века, но и стремления к созданию единой парадигмы развития русской художественной культуры – с учетом устоявшегося употребления термина «романтический», или «романтизированный», классицизм в отечественном искусствознании) неоспоримы.

Диссертация, рассматриваемая нами, безусловно, вызовет интерес и будет востребована самой широкой общественностью – научными, работниками, преподавателями и учащимися высших учебных заведений, издателями, библиотекарями и другими работниками культуры.

Автореферат диссертации, многочисленные публикации и доклады вполне отражают основное содержание работы.

Нет никаких сомнений в том, что Александр Андреевич Белый, автор диссертации «Философско-эстетические основы пушкинского “истинного романтизма”», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук и отвечающей соответствующим требованиям Положения о присуждении ученых степеней ВАК при Минобрнауки РФ, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности: 10.01.01 – Русская литература. 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Официальный оппонент
доктор филологических наук
профессор
Галина Викторовна Якушева

Г. Якушева

